

Капусткин Александр Андреевич

МИСТИЧЕСКАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ФИНАЛА НОВЕЛЛЫ Э. А. ПО "ЛИГЕЙЯ"

Основное содержание исследования составляет анализ мистического и оккультного начала, реализованного в следующих темах: жизнь после смерти; живое, но мертвое тело; метемпсихоз, феномен некромантии, рок и фатум. Делается вывод о том, что, несмотря на всю кажущуюся рациональность, логичность и схематичность, новелла Эдгара Аллана По концентрирует в себе мистические и оккультные явления, которые граничат с абсурдом, заключая в себе сверхъестественную реальность, понимаемую и признаваемую автором как в самом творчестве, так и вне его рамок.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 36-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

DYSTOPIAN TENDENCIES IN T. N. TOLSTAYA'S NOVEL "KYS"

Greshilova Anna Valer'evna

*Lomonosov Moscow State University
annagreshilova@gmail.com*

The article analyzes the genre features of T. N. Tolstaya's novel "Kys". The ideological and purely artistic aspects of the notion "anti-utopia" are singled out; the question is raised whether the novel can be attributed to this genre. Since the very possibility of creating a full anti-utopian conception in the era of postmodern has been called into question, alternative genre definitions of "Kys", such as "dystopia", "cacotopia" and "post-utopia" are also considered. The latter seem to be the most preferable: Tolstaya uses the anti-utopian strategy in the text of the novel, but on the whole finds herself beyond the rigid opposition between utopia and its genre antipodes.

Key words and phrases: T. Tolstaya; dystopia; anti-utopia; cacotopiya; post-utopia; novel; genre.

УДК 821.111

Основное содержание исследования составляет анализ мистического и оккультного начала, реализованного в следующих темах: жизнь после смерти; живое, но мертвое тело; метемпсихоз, феномен некромантии, рок и фатум. Делается вывод о том, что, несмотря на всю кажущуюся рациональность, логичность и схематичность, новелла Эдгара Аллана По концентрирует в себе мистические и оккультные явления, которые граничат с абсурдом, заключая в себе сверхъестественную реальность, понимаемую и признаваемую автором как в самом творчестве, так и вне его рамок.

Ключевые слова и фразы: новеллистика; романтизм; символизм; мистика; оккультизм; метемпсихоз; реинкарнация; живое, но мертвое тело; рок и судьба; Лигейя; Э. А. По.

Капусткин Александр Андреевич*Ивановский государственный университет
wow-naturalin@yandex.ru*

МИСТИЧЕСКАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ФИНАЛА НОВЕЛЛЫ Э. А. ПО «ЛИГЕЙЯ»

В начале XIX века одним из главных представителей позднего американского романтизма являлся **Эдгар Алан По** (1809-1849). Этот одаренный писатель – не только основоположник детективного жанра и научной фантастики, но и один из самых значимых и таинственных авторов в романтической и мировой литературе. Цель статьи заключается в выявлении мистических и оккультных феноменов в творчестве Эдгара Аллана По на примере новеллы «Лигейя».

Произведение По «Лигейя» (1838) является, по мнению Э. Ф. Осиповой, «одной из самых лучших новелл автора» [4, с. 53]. Новелла вобрала в себя практически все основные мотивы творчества и раскрывает перед нами невиданные до этого образность и реалистичность эзотерическо-оккультной действительности, вплетенной в ткань творческой и, возможно, даже реальной жизни По.

Исходя из этого, ставятся следующие задачи:

1. Проанализировать новеллу с точки зрения мистических исканий, проблематики, системы персонажей, повествовательных особенностей и стиля написания произведений.

2. Дать оценку роли мистического и оккультного начал в зрелом творчестве По.

Произведение По начинается с эпитафии: «And the will therein lieth, which dieth not. Who knoweth the mysteries of the will, with its vigor? For God is but a great will pervading all things by nature of its intentness. Man doth not yield himself to the angels, nor unto death utterly, save only through the weakness of his feeble will» [6, p. 171]. / «И в этом – воля, не ведающая смерти. Кто постигнет тайны воли во всей мощи ее? Ибо Бог – ничто как воля величайшая, проникающая все сущее самой природой своего предназначения. Ни ангелам, ни смерти не предает себя всецело человек, кроме как через бессилие слабой воли своей» [5, с. 93]. Эти строки принадлежат английскому писателю, церковному деятелю и философу XVII века Джозефу Гленвиллу и являются пророческими для произведения. Мысль, которую По хотел передать нам этим эпитафией, достаточно проста: если у человека достаточно сильная воля, он способен на все. Стоит сказать, что многие читатели рассматривают волю только с психологической точки зрения, однако это не совсем верно. Термин «**воля**» определяется как «моральное качество, тесно связанное с воспитанием, позволяющее человеку обуздать свободу воли, которая идет обычно на поводу у влечений и желаний человека» [3, с. 363]. Определение проливает свет на многие вопросы, но не отвечает на вопрос – как **воля** может вернуть человека к жизни, поскольку именно это произошло в конце произведения. Объяснение данного феномена можно найти через призму темы **метемпсихоза**, появляющейся практически в каждом произведении Эдгара По. Согласно учению о **реинкарнации**, человек состоит не только из физической оболочки, в нем также присутствует особая эссенция – душа, которая, в свою очередь, разделяется на различные качества познания и силы [2, с. 389]. Эти качества напрямую зависят от натренированности силы воли человека при жизни. Можно сказать, что **сила воли** с точки зрения эзотерики – это не что иное, как проекция нашей души, которую мы в силах укрепить и развить.

Произведение «Лигейя» открывается длинным монологом-воспоминанием-рассуждением рассказчика. В первые минуты кажется, что По отступил от своих традиций философского начала, но по мере прочтения можно понять, что писатель избрал более лаконичный ход повествования, постепенно вплетая в слова рассказчика диковинные образы и сравнения, которые заставляют задуматься и поразиться многообразием и обширностью знаний По. Большая часть таких образов относятся к части описания внешности и характера Лигейи: «It was the radiance of an opium dream – an airy and spirit-lifting vision more wildly divine than the phantasies which hovered about the slumbering souls of the daughters of Delos» [6, p. 173]. / «Это было сияние опиумных грез – эфирное, возвышающее дух видение, даже более фантазмагорически божественное, чем фантазии, которые реяли над дремлющими душами дочерей Делоса» [5, с. 94]. Автор впервые использует столь живописный инструментарий эпитетов, метафор и сравнений. Здесь нет привычного мрачно-мертвенного тона, что привносит в творчество По не только некое разнообразие, но и надежду на светлый финал. Однако всеместимость столь далеких и экзотических эталонов красоты есть не что иное, как гиперболизация образа героини. В свою очередь, это говорит о том, что Лигейя не может быть реально существующим человеком: она представляет собой некую константу красоты, некий идеал женщины, который По разрабатывал и довел до логического завершения лишь в этом произведении. В доказательство этому стоит привести также слова рассказчика о знаниях Лигейи: «...the learning of Ligeia: it was immense – such as I have never known in woman» [6, p. 177]. / «...ученость Лигейи – поистине гигантскую, какой мне не доводилось встречать у других женщин» [5, с. 97].

Интерес также вызывает упоминание египетской богини Аштофет в контексте темы **рока и судьбы**: «...if... the misty-winged Ashtophet of idolatrous Egypt, presided... over marriages ill-omened, then most surely she presided over mine» [6, p. 172]. / «...если бледная Аштофет идолопоклонников-египтян витает над роковыми свадьбами, то, бесспорно, она председательствовала и на моем брачном пиру» [5, с. 94]. Стоит обратить внимание на то, что тема **рока и судьбы** не является главенствующей и всеразрушающей – напротив, она присутствует в новелле как противовес **силе воли** человека. По создает важный конфликт свободы выбора человека и неминуемости судьбы, выводя победителем из всего противостояния Лигейю, вернувшуюся в царство живых даже после смерти. Важно отметить, что развязка этого конфликта является новшеством в творчестве По: победа человека над роковой судьбой. Это новый образ героя – человек-победитель, способный вершить свою судьбу единолично. В оккультной философии людей, способных изменять реальность и мир по своему желанию, называют магами (от слова «мочь, уметь»), а это – высшая степень мастерства владения своей волей.

В новелле читатель встречается с темой **метафизического** и непознанного, а также с **трансцендентной** философией, популярной в Америке того времени. Все эти темы в произведение вводит Лигейя, обучающая рассказчика премудростям данных околонучных дисциплин. Интересной деталью художественной образности новеллы является резкое переключение позитивного и светлого настроения в крайне мрачные и могильные тона после смерти Лигейи. Можно предположить, что она является олицетворением жизни в данном произведении: смысл жизни рассказчика, так и жизнь всего художественного пространства новеллы. В новелле появляются такие метафоры и эпитеты, как: «...desperate melancholy...» [6, p. 181]. / «...безысходная тоска...» [5, с. 101]; «...ghastly expression of death...» [6, p. 189]. / «...гримаса смерти...» [5, с. 107]. Сам рассказчик постепенно теряет в грезах опиума, а его некогда высокие чувства к Лигейе не имеют ничего общего с тем, что он чувствует по отношению к молодой жене – леди Ровене Тремейн: «I loathed her with a hatred belonging more to demon than to man» [6, p. 184]. / «Я ненавидел ее исполненной отвращения ненавистью, какая свойственна более демонам, нежели человеку» [5, с. 103].

Особое внимание нужно уделить описанию комнаты, в которой спали рассказчик и Ровена: «In each of the angles of the chamber, stood on end a gigantic sarcophagus of black granite, from the tombs of the kings over against Luxor...» [6, p. 183]. / «...в каждом из пяти углов комнаты вертикально стояли черные гранитные саркофаги из царских гробниц Луксора...» [5, с. 102]. Комната с пятью углами могла напоминать что-то вроде пентаграммы, являющейся порталом в иной мир. Сами саркофаги относились к предметам погребальным и не благоприятствующим к жизни, как результат – смертельная болезнь Ровены. Стоит отметить, что бред, которым объясняются видения потустороннего мира леди Ровены, есть не что иное, как один из реальных существующих способов восприятия тонких планов, особенно если брать шаманские обряды и традиции. В американско-мексиканской традиции для того, чтобы человек мог пообщаться с духами, использовались галлюциногенные травы и грибы. Все это способствовало полному расслаблению мозга, что, в свою очередь, открывало дверь для информации и восприятия мира без установленных шаблонов. Но по традиции По завуалировал это мистическое явление под обычный случай болезни. Даже когда рассказчик «...ощутил, как мимо, коснувшись, скользнуло нечто невидимое, но материальное, и заметил... некую тень... какую могло бы отбросить призрачное видение» [Там же, с. 105]. / «I had felt that some palpable object had passed lightly by my person; and I saw... a faint indefinite shadow...» [6, p. 186]. Автор использует **прием оговорки**: словами рассказчика он напоминает читателю, что герой еще находится под влиянием большой дозы опиума, чем закрывает возможный вопрос о реальном существовании потусторонних сил, а также отводит от себя репутацию сумасшедшего богохульника-колдуна, коим он мог бы прослыть в глазах публики.

Говоря о процессе преображения Ровены в Лигейю, вновь стоит отметить явление **метемпсихоза** в рамках **некромантии**, когда мертвый дух немислимой силы оказывает реальное воздействие на физический объект, преображая его до неузнаваемости, чтобы вернуться в этот мир. Эта сцена является одной из самых жутких в новелле, поскольку По с точностью опытного хирурга раскрывает перед читателем мелкие подробности преображения: «...the color fled, the pulsation ceased, the lips resumed the expression of the dead, and, in an instant afterwards, the whole body took upon itself the icy chillness...» [Ibidem, p. 190]. / «...розовый цвет исчез, сердце перестало биться, губы вновь сложились в гримасу смерти, и миг спустя тело обрело льдистый

холод...» [5, с. 107]. Эти мелкие детали являются частью целого механизма художественной манеры автора под названием **проза мертвого тела** и призваны заключить читателя в оковы ледящего душу ужаса. По завершении процесса трансформации трупа Ровены в нечто живое рассказчик видит поднимающийся с кровати **живой труп**, завернутый в **саван**. Здесь мы встречаемся с **темой живого, но мертвого тела**, а также **темой погребального одеяния** в творчестве автора.

Кульминационный момент новеллы настает тогда, когда рассказчик узнает в умершей свою утерянную возлюбленную леди Лигейю. Стоит отметить, что, несмотря на все ужасающие подробности трансформации и мистификаций, финал новеллы представляет собой победу человеческой воли над роком и судьбой, как говорилось выше. Если отбросить все установленные догмы и рациональное восприятие, то можно понять, что финал знаменует продолжение жизни и воссоединение двух любящих сердец, что превращает концовку новеллы в один из самых ярких **художественных приемов оксюморона** в творчестве По.

Необходимо отметить, что новелла является новым этапом творческого развития По. Берущая свое начало в ранних темах и мотивах эзотерическо-окультурного содержания, она освещает явления метемпсихоза, рока, души и т.д. в совершенно другом свете, создавая свое собственное индивидуальное звучание на уже, казалось бы, банальных и распространённых аккордах художественного слова автора. При этом мелодика всего текста перестает быть статичной и начинает меняться с минорной на мажорную, стараясь все глубже погрузить читателя в мир, полный противоречий, философских изысканий и мистификаций.

Список источников

1. Аллен Г. Эдгар По / сокр. пер. с англ. С. Силищева. М.: Молодая гвардия, 1984. 334 с.
2. **Борецкий А. В.** Новейший эзотерический словарь. Курск: Дом книги, 2003. 447 с.
3. **Грицанов А. А.** Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2007. 816 с.
4. **Осипова Э. Ф.** Загадки Эдгара По: исследования и комментарии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 169 с.
5. **По Э. А.** Золотой жук. Рассказы. Стихотворения. М.: Эскмо, 2014. 768 с.
6. **Рое Е. А.** Complete Tales and Poems. N. Y.: Castle Books, 2009. 864 p.

MYSTICAL INCONSISTENCY OF THE FINAL PART OF THE STORY BY E. A. POE "LIGEIA"

Kapustkin Aleksandr Andreevich

*Ivanovo State University
wow-naturalin@yandex.ru*

The paper focuses on analyzing mystical and occult element realized in the following subject areas: life after death; living but dead body; metempsychosis; necromancy phenomenon; fatality and fate. The author concludes that in spite of its apparent rationality, logicity and sketchiness, Edgar Allan Poe's story accumulates mystical and occult phenomena on the verge of absurdity including supernatural reality adopted and accepted by the writer both within the framework of literary creation and beyond it.

Key words and phrases: novelistics; romanticism; symbolism; mysticism; occultism; metempsychosis; reincarnation; living but dead body; fate and destiny; "Ligeia"; E. A. Poe.

УДК 821.352.2

В статье рассматриваются художественные особенности поэзии К. Кулиева, которая стоит в авангарде поэтической мысли XX столетия. Поэзия К. Кулиева вобрала в себя и высокохудожественно выразила многовековые традиции национальной балкарской поэтической культуры, адаптировала в национально-образной стихии многоцветие восточной литературы, творчески освоила и развила в атмосфере этнического миро-понимания опыт русской, европейской и мировой художественной поэзии. Кайсын Кулиев глубоко осознал и высокохудожественно выразил мысль, поднявшую его поэзию до общемировых, общечеловеческих высот.

Ключевые слова и фразы: балкарская поэзия; духовное родство; национальное своеобразие; мировосприятие; драматизм; гуманизм; лирический герой; образ; тема; Кайсын Кулиев – балкарский поэт.

Магулаева Фарида Лазаревна

*Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск
bostanova1981@mail.ru*

ПОЭЗИЯ КАЙСЫНА КУЛИЕВА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

«Надо иметь такую душу, чтобы написать такие стихи», – гласит древний афоризм. Кайсын Кулиев обладал вдохновенной душой, проникнутой бесконечной любовью к людям, к жизни. Это отразили его стихи, в которых мечты и идеи автора, его чувства, его стремление сделать этот мир обителью мудрости, добра и света.

Восприятие поэтом мира как единого, целого, как центра притяжения лучших побуждений людей отмечает известный киргизский писатель Чингиз Айтматов в своем предисловии к трехтомному изданию стихов